

На детей любви прекрасной
Смотрят ласковые очи
Нежного большого солнца.

Ян РАЙНИС.

ДНИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

ЛАТВИИ В МОСКВЕ

ЛАТЫШСКИЙ народ невелик числом — немногим более двух миллионов. Но на живописной латышской земле, овеваемой свежими балтийскими бризами, опоясанной голубыми лентами рек, украшенной зеркалами озер, живут удивительно талантливые люди. И творчество их настолько многоцветно и многогранно, что описать его в рамках газетной полосы попросту немислимо. И мы не задавались такой нераз-

решимой задачей — воспроизвести здесь картину богатейшей, насыщенной радостными событиями духовной жизни сегодняшней Латвии, расцветшей под знаменами Советов.

Мы решили ограничиться тремя репортерскими встречами, рассказать вам, дорогие читатели, о трех художнических судьбах.

ТРИ ВСТРЕЧИ

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ

ЭНЕРГИКО

ПОСЛЕ огромного творческого напряжения всегда наступает разрядка, когда вместо бурных, клокочущих, разрывающих душу переживаний вдруг наступает покой. Полнейший покой. Хочется просто сидеть и сидеть с закрытыми глазами и ни о чем не думать.

Только что Янис Иванов закончил свою Двенадцатую четырехчастную симфонию. Уже печатаются ноты. Скоро начнутся репетиции оркестра. Предполагается открыть ею осенне-зимний концертный сезон в Риге. Дирижировать на премьере должен Леонид Вигнер.

Это будет в сентябре. А пока загибайте пальцы.

Композитор шел к ней, к своей Двенадцатой, долго. Вся его жизнь, в сущности, была подготовкой к этому событию, все, что он выстрадал, пережил, понял на пути от латгальского боконоготого пастушонка к всемирно известному сочинителю музыки, — все это вылилось в поток звуков.

Он назвал ее «Энергико» («Energico»). Почему? И о чем же она? Что он хотел сказать людям?

— Когда я писал свою Двенадцатую симфонию, — говорит Янис Андреевич, — я думал о Ленине. Об огромнейшем заряде энергии, который получило

человечество и который называется — ленинизм. Я думал о великой идее, родившей эту великую энергию, которая привела в движение людей всей планеты. Которая сокрушила старый, недобрый мир. Выстояла в страшнейших схватках, Проникла в космос. Расщепила атом. Научилась бороться с недугами. Разбила, растопила лед недоверия между людьми, научила их жить по законам братства. Об энергии, которая ведет нас в солнечный мир. Вот о чем я думал, сидя за фортепиано.

Симфония о Ленине. Это слишком грандиозно даже для музыки. Я избрал одну только грань.

И я назвал свою симфонию «Энергико».

Мне пришлось многое видеть и многое пережить. Я знаю, что такое нужда и унижение. Я видел спесивых «завоевателей», вступивших на землю моей Латвии. И я видел обрубки их тел, молодых, здоровых тел. Эти обрубки вносили в здание Рижской консерватории, там был

устроен гитлеровский госпиталь.

Я видел, как горел Дом Черноголовых, где располагался лучший в Риге концертный зал: в нем некогда выступал Антон Рубинштейн. В этом пожаре погибли многие ноты, в том числе первые мои две симфонии и латгальские народные песни в моей аранжировке.

Я видел Саласпилс. Улыбку, застывшую на губах ребенка, прикованного пулей к груди матери.

Девятая, десятая, одиннадцатая симфонии, «Скорбная поэма» — они выражают мое отношение к войне и миру. Они о том, чего нельзя забыть...

Помолча, композитор сгоняет с лица печаль и улыбается.

— Я, знаете, как старый фотоаппарат с длинной-предлинной, почти бесконечной лентой негативов. Крутишь эту ленту назад. И вдруг видишь такой кадр, о котором, ну, просто невозможно молчать. И тогда... возникают страницы будущих симфоний.

Если уж я рожден композитором, этим я обязан народу. И, стало быть, я обязан отдать народу все, чем богат.

Итак, я назвал свою симфонию «Энергико». И в этом, пожалуй, ключ к ее пониманию. Идея, помноженная на активность, энергия, сила, подымающая людей на подвиги и на чудеса, умножающая возможности человека, позволяющая ему познать и переустроить мир, усовершенствовать самого себя.

Что сказать об особенностях организации музыкального материала в новой симфонии? Я старался расширить всю тонально-гармоническую систему. Мне хотелось для выражения новых мыслей широко использовать новые законы музыкального языка, новую технику, полифонические формы. Важным компонентом музыкального образа стал для меня ритм, он получил широкие самостоятельные права. Острая ритмичность, контрастность, напряженная драматургия ритма — вот черты новой симфонии.

Но не хватит ли композиторской профессионалистики? Тем более что «новации» формы никогда не служат для меня самоцелью. Я попросту забываю о них в процессе творчества. Уже потом, когда этот процесс закончен, начинаешь анализировать, распознавать, выводить законы.

Кстати, о новациях и о приверженности к ним нашей молодежи. У нас в общем очень хорошая, талантливая молодежь. Как профессор консерватории я много общаюсь с ней. И горжусь тем, что она меня понимает. Но нужно решительно ограждать

ее от авангардистских ветров с Запада. Такая, с позволения сказать, музыка, когда правая рука не знает, что делает левая, когда в ход пускаются гвозди и кастрюли, — что она общего имеет с искусством?!

Художник только тот, кто пишет кровью своего сердца. Это — мое убеждение.

Вы просите рассказать о моих замыслах? Все, что я сделаю в ближайшее время, будет неразрывно связано с юбилеем нашего государства. Потому что ни о чем другом думать я сейчас не могу, кроме как о моей Родине. Какую бы форму ни приняли эти раздумья.

Вот перед вами новенькая нотная тетрадь, еще пахнущая типографской краской. Это «Три эскиза». Я назвал их эскизами не потому, что считаю набросками какого-то будущего крупного полотна. Нет. Это законченные вещи. Это тоже плод моих размышлений о пережитом. Но для меня они носят все же локальный характер, потому я и назвал их «эскизами». Недавно мой сын пианист Игорь Иванов наиграл их для грамзаписи.

Аранжирую для симфонического оркестра «Праздничную увертюру», которую отлично исполняет духовой оркестр Прибалтийского военного округа.

Впереди новые симфонические сочинения крупной формы.

— Ну, а теперь разрешите перейти к собственно музыке.

И вот народный артист СССР, профессор Янис Иванов садится за рояль.

...Старое, заросшее камышами озеро. И березка, протянувшая над ним свои трепещущие ветки. Тихий вечер. Медленно, словно нехотя, задумчиво опускаются на озерную глыбу первые крупные капли дождя.

— Это «Маленькая прелюдия», — говорит композитор. — Вы первые ее слушали. Я написал ее вчера.